

*Моя
прекрасная
леди*

БАРБАРА КАРТЛЕНД

Призрак в Монте-Карло

Скучающий жених

Бегство от страсти

Бесценный выигрыш

На парусах мечты

Рассодия любви

Голубоглазая ведьма

Неожиданное наследство

Дуэль сердец

Нежность лунного света

Стрелы любви

Прелестная беглянка

Египетские ночи

Звезды в моем сердце

Ледяная дева

Очарованная вальсом

Монетка на счастье

Любовь на краешке луны

Цветок пустыни

*Прекрасная
авантюристка*

Таинственный жених

Медальон для невесты

Английская мадонна

Любовь уходит в полночь

Скверный маркиз

Любовь всегда права

БАРБАРА КАРТЛЕНД

*Скверный
маркиз*

Москва
«ЭКСМО»
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
К 27

Barbara Cartland
THE WICKED MARQUIS
© Barbara Cartland, 1973

Художественное оформление С. Ляха

Перевод с английского М. Павловой

Текст публикуется в литературной обработке
И. Добряковой

Картленд Б.

К 27 Скверный маркиз / Барбара Картленд ; [пер. с англ. М. Павловой]. — М. : Эксмо, 2013. — 352 с. — (Моя прекрасная леди. Барбара Картленд).

ISBN 978-5-699-67783-2

Жизнь Орелии Стэнион изменилась до неузнаваемости, когда она попала под покровительство своей старшей подруги Кэролайн. Блеск высшего общества, балы, поклонники... Но Орелию интересует лишь один мужчина — блистательный аристократ Дариус Райд, прозванный в обществе «скверным маркизом» за свои дерзостные выходки и скандальные романы. У Орелии и Дариуса есть общий секрет, и девушка верит, что он может стать ключом к сердцу маркиза. Однако у Кэролайн припасена для подруги новость, которая навсегда изменит отношение Орелии к любимому...

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

© Павлова М., перевод на русский язык, 2013
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-67783-2

1

Дверь гостиницы отворилась, и из нее, мгновенно попав в бодрящие объятия морозного ноябрьского воздуха — нынешний день выдался необычно холодным, — вышел джентльмен.

Воздух был таким прозрачным и чистым, что, казалось, хрустел. Джентльмен остановился и задержался на ступенях у входа. Красота уходящего дня заорожила его. За деревьями парка садилось солнце, и ветки, последние листья с которых успели уже облететь, чернели на золотисто-алом фоне заката как тонкие ломкие пальцы или таинственные письма, хранящие древние тайны, прочесть которые могут лишь посвященные — а непосвященные могут лишь просто любоваться закатным небом и безлиственной осенней порою. Джентльмен побыстрей закрыл за собой дверь, чтобы звуки застольного шума, смеха и гомона, доносящиеся из помещения, стали чуть приглушеннее. И вправду стало тихо. Джентльмен был настроен на то, чтобы напоследок в конце этого дня воспарить душой, созерцая краски заката на безоблачном ясном небе.

Барбара Хартленд

Гостиница, которую покидал сейчас джентльмен, носила название «Георгий и Змей». Джентльмен поглядел на вывеску и усмехнулся. Какие же страсти и чудеса стойкости во время пыток явил тут Георгий, чтобы его именем было названо заведение, сулящее посетителям комфорт и всяческие удовольствия? Джентльмен покрутил головой в поисках возможного собеседника, чтобы поделиться с ним этими мыслями, и издал короткий смешок. Ха-ха. Как гласит Церковь, по наущению дьявола персидский царь Дациан подверг христиан жестоким гонениям. На долю Георгия достались особенно тяжкие пытки. Его связывали и клали ему на грудь тяжелый камень, его били палками, морили голодом и бросали в пруд, а еще — пытали огнем и раскаленным металлом... И так продолжалось целых семь лет, в течение которых, вдохновленные стойкостью Георгия, все новые и новые люди обращались в христианство и дивились его содеянными во время пыток чудесами — по молитве Георгия с небес сошла молния и испепелила его палачей, а земля разверзлась и поглотила их. Но самым большим чудом Георгия, уже посмертным, стало спасение царской дочери, которой выпал жребий быть отданной на растерзание чудовищу — змею, дракону. Но тут явился на коне Георгий и пронзил змея копьем. Событие это так ярко впечаталось в память христиан, что святого Георгия равно почитают теперь католическая, православная, а вслед за ними — и англиканская церкви. Забавно! Джентльмен еще раз усмехнул-

ся курьезам человеческой памяти и тем способам, каковыми благодарное человечество может выразить признательность своим героям... Сокрушенно вздохнув — о времена, о нравы! — и водрузив на темноволосую голову котелок — угол, под каким это было сделано, оказался весьма вызывающим, — джентльмен устремил взгляд на стоящий напротив через дорогу черно-желтый фаэтон, запряженный четверкой тщательно подобранных в масть гнедых лошадей. Коричневый цвет корпуса каждой был одного и того же ровного коричневого оттенка, стройные ноги у всех лошадок были черными ровно не выше запястных суставов, хвосты и гривы — без захвата оплечий — были также черными и в отблесках закатного освещения сверкали золотистым отливом. Эта щегольская чистопородная упряжка, принадлежащая джентльмену, стояла в ожидании не одна: заботливые грумы фаэтонов, парных двухколесных экипажей и элегантных ландо терпеливо дожидались при своих экипажах господ, уставших после проведенного в седле трудного дня, дабы с комфортом доставить их к домашнему очагу.

Джентльмен в лихо заломленном котелке, с наслаждением захватив в легкие побольше свежего воздуха, приготовился было неспешно шагнуть к своему фаэтону, размышляя, какие кары найдет за его прегрешения фортуна на его голову, однако до его слуха донесся тихий и жалобный голосок, остановивший его:

Барбара Хартленд

— Умоляю вас, господа... Позвольте... позвольте же мне пройти! Пожалуйста...

— Нет, ты должна сделать выбор. Ты должна непременно выбрать! Он или я? Выбирай. Ну? — В развязной интонации говорившего прозвучали плохо скрытые нотки угрозы. «А вот это уже лишнее!» — подумал джентльмен. Одно дело — флиртовать с дамой, и совсем другое — принуждать ее к общению, когда она не хочет этого. Джентльмен с неудовольствием поморщился.

Он опознал этот голос — голос ветреного, насколько это было ему известно, баронета — и обернулся. Бросив рассеянный взгляд в сторону высокого крыльца черно-белого соседнего коттеджа под крышей из прессованной соломы, он увидел девушку в длинном синем плаще, отделанном серым мехом. На голову ее был наброшен капюшон, но даже на расстоянии джентльмен смог различить под его прикрытием белое личико и большие темные глаза на нем.

Дорогу молодой особе в плаще заслоняли двое: баронет, которого опознал джентльмен, и некий неизвестный ему молодой человек. Оба были в запачканных грязью белых лосинах и розовых охотничьих куртках с зелеными лацканами.

— Ну, давай же... решайся... выбирай! — развязно-настойчиво повторил баронет. Речь его выдавала изрядное воздействие горячего пунша, которым щедро их угощали после охоты.

Джентльмен, благоразумно решив не вмешиваться, сделал несколько шагов по направлению

к своему фаэтону. В конце концов, все это его не касается, и если молодой Хэйдон и его неизвестный друг хотят подцепить какую-то из местных красоток, он не станет им портить молодую игру. Да еще в такой — охотничий! — день. Природа, извольте заметить, требует отдать ей свое... Куда от нее деться?..

— Пожалуйста... пожалуйста, позвольте мне пройти... умоляю... вас!

Звук этого голоса заставил джентльмена обернуться. Голос был такой юный, просящий и беззащитный, и звучало в нем что-то еще, заставившее его помедлить.

— Ну, я выиграл... — То был голос баронета. Несомненно, он был не только пьян, но выпитое спиртное сделало его амурное настроение весьма агрессивным. — Хо-хо! Ну давай, идем же, моя очаровательная малютка! Ну что ты так укрываешься капюшоном, ну покажи нам свои прекрасные глазки, крошка! Ну, иди ко мне ближе, давай!

С этими словами он подался вперед и вытянул руки, желая заключить в объятия ту, которая от него уклонялась то вправо, то влево, насколько это было возможно на тесном крыльце. В ответ на последний призыв баронета девушка в плаще резко отпрянула, и тогда джентльмен с изрядной долей надменности осадил друзей-охотников, не израсходовавших пыла преследования, зычным и властным окриком:

— Кажется, вы слышали: леди желает пройти!

Барбара Хартленд

Окрик — сочный, богатый оттенками баритон прозвучал в холодном сухом воздухе подобно выстрелу — возымел тот эффект, что двое на крыльце дернулись, насторожившись. Лицо баронета тут же приняло виноватое выражение — он узнал джентльмена. Его приятелю потребовалось больше времени, чтобы распознать, кто же это посмел помешать им в столь увлекательном занятии.

— Какого дьявола... Ты!.. — начал было второй, но, увидев джентльмена, тоже сконфузился, и агрессивность его моментально испарилась.

Джентльмен не удостоил вниманием тех, кому дал справедливый и суровый отпор. А фигурке, топтавшейся на пороге, он, подойдя к крыльцу, с легким поклоном вежливо предложил:

— Могу ли я сопроводить вас, мэм, до вашего экипажа? — добродушно-иронически спросил он с улыбкой.

Девушка кротко взглянула на джентльмена. В угасающем свете дня он смог рассмотреть, что она совсем молода, а глаза у нее не просто большие, а совершенно огромные.

— Благодарю... вас, — почти беззвучно ответила ему девушка, придерживая рукой капюшон, и, осторожно спустившись по звонким от мороза ступеням, будто боялась оступиться с них и упасть, стала подле джентльмена, не обращая внимания на баронета и его приятеля, которые молча перед ней расступились, пока она шла.

Роста она была очень маленького и едва доставала головой до широких плеч своего спасителя,

тот же был необычайно высок и широк в плечах, даже могуч, так что девушка поглядела на него снизу вверх не без опаски. Не только один его взгляд, а и вся фигура его производила внушительное впечатление, и она поняла, почему эти двое охотников, только что преследовавшие ее, как недавно они преследовали лисицу, прикусили свои языки и хранили теперь гробовое молчание.

Коттедж, носивший название «Зеленый дол», стоял от гостиницы справа, за ним виднелось еще несколько таких же бело-черных небольших аккуратных домиков. По одну сторону от коттеджа высились деревянные сходни, по другую поблескивал подернутый некрепким ледком Мертвый пруд. Легенда гласила, что когда-то в нем было утоплено больше дюжины ведьм. Неподалеку стояла старомодная двуколка, в которую был запряжен толстый черно-белый пони. Он медленно продвигался вперед, пощипывая прихваченную морозцем травку с белыми кое-где и едва заметными островками снега. Двуколка и пони составляли трогательный и забавный контраст с элегантными экипажами и чистокровными скакунами, какими блистала аристократия, живущая вблизи этих мест. Спасенная из рук обольстителей девушка торопливо зашагала к двуколке. Джентльмен, идя с нею рядом, старался не опережать ее, но казалось, что он просто неспешно прогуливается — на два ее мелких шажка приходился один его шаг. Когда они отошли от коттеджей на порядочное

Барбара Хартленд

расстояние и двое «поклонников» уже не могли ее слышать, незнакомка с чувством проговорила:

— Я очень-очень вам благодарна, сэ. Я сама виновата... Забыла, что на сегодня здесь назначена встреча охотников.

— Верно, это ежегодные встречи, — подтверждающе-величественно кивнул ей джентльмен, окидывая всю ее взглядом. Какая она ладненькая, трепетная...

— Да, это так, но я совершенно об этом забыла! — Она виновато ему улыбнулась. — И если бы не ваше такое счастливое для меня появление, сэ...

— Значит, в следующий раз вам следует быть поосторожнее. — Он тоже ей улыбнулся. — Ведь не всегда же я буду рядом, когда вам это потребуется...

— Я буду как можно более осторожна, сэ...

Они подошли к двуколке, и джентльмен заметил, что вожжи были свернуты в аккуратный узел и прицеплены к бортику.

— Вам далеко ехать?

Она покачала головой.

— Нет, мне совсем недалеко. И я еще раз вас благодарю.

Он опять взглянул на нее. Последний луч заходящего солнца проскользнул между нагих ветвей и ярко осветил лицо девушки. Она неожиданно оказалась на удивление красивой — даже прекрасной! Было что-то неземное в ее одухотворенном личике, мягко заостряющемся к подбородку — такого милого и нежного подбородка ему еще

не приходилось видеть, или, во всяком случае, не приходилось давно. Это волшебное личико напомнило ему женское лицо с какой-то картины. Вот только с какой, чьей кисти? Он не мог вспомнить ни саму эту картину, ни имя художника. Хотя... Он отрешенно-задумчиво потер переносицу...

Пожалуй, есть в ней, в этой незнакомой ему особе в синем плаще, что-то боттичеллиевское — да, именно у Венеры с картины Сандро Боттичелли «Рождение Венеры» такой же вот маленький и чуть выдающийся вперед подбородок и такая же грива мягких и вьющихся волос! Бледно-золотистые, пышные, они окутывают и укрывают богиню, возникшую из пены морской и стоящую ступнями в раковине, которую, дуя, несет к берегу западный ветер — Зефир, — на картине он изображен слева... В светлых глазах Венеры — спокойствие и безмятежность, изначальная наивная умиротворенность, полное отсутствие обремененности тяжестью, какую неизбежно приносит постижение земного мира. И еще в ее глазах — уверенность: она знает о своей красоте и совершенстве, какого у людей попросту не бывает и быть не может, но вместе с тем взгляд Венеры немного потуплен, словно бы она извиняется за свою божественную грацию и безупречность обнаженного облика. Таким же взглядом — робким и в то же время в чем-то уверенным — смотрела на него сейчас незнакомка...

Все это в два мгновения пронеслось в сознании джентльмена, пока он улыбался девушке, явно

Барбара Хартленд

смущая ее — он это видел, и ему это отчего-то очень и очень нравилось. Теперь он разглядел, что, оказывается, глаза у девушки синие, но не того синего цвета, какой обычно сопутствует бледно-золотистому — пшеничному — цвету волос, а вьющаяся прядка именно такого оттенка выбилась из-под ее капюшона! — нет, глаза незнакомки напоминали о той глубокой густой синеве, что таится и плещется в бурном зимнем студеном море. Но, что странно, длинные ее ресницы были при этом темными!

«Удивительные глаза, — отметил он про себя. — В них что-то загадочное, таинственное...» И, думая так, он не мог не заметить, что девушка смотрит на него как замороженная.

— Вам следует быть поосторожнее, — повторил он назидательно, забавляясь смущением девушки, а затем, опять несколько иронически усмехнувшись, спросил: — А я получу награду?

— Награду? — спросила она в свой черед изумленно.

Девушка все еще смотрела на него: никогда в жизни она не думала, что мужчина может быть так красив, так невероятно привлекателен и вместе с тем — выглядеть таким... циничным? насмешливым? Нет, все не то... Пожалуй — вот точные слова! — ...он выражал своим обликом крайнюю степень беспутства!

«Это лицо, — подумала она, — могло бы быть лицом пирата, если бы не его аристократическая породистость и благородство черт!» Но его вопрос

обескуражил ее, и она опустила глаза, ухватившись за борт двуколки, словно в поисках надежной поддержки и, если придется, защиты.

— Я вас спас, — проговорил с модуляциями джентльмен еще более назидательно, улыбаясь и поигрывая бровями, — и за вами должок, который вы обязаны мне уплатить. Вас не учили в вашей деревне, что долг чести превышает всех иных долгов и его во что бы то ни стало необходимо вернуть?

Девушка снова смущенно и нерешительно взглянула на джентльмена. Он только что ее спас, молнией пронеслось в ее голове — и что же? Хочет теперь сам воспользоваться добычей? Но почему-то страха она не испытывала.

— ...Не совсем понятно... не знаю, что вы... имеете в виду, — почти шепотом пролепетала она.

— А я думаю, вы прекрасно все знаете, — и, двумя пальцами взяв ее за подбородок и повернув к себе ее лицо, джентльмен, обладатель кодовского голоса и обезоруживающей повадки, наклонился и прижался губами к ее губам...

Они стояли так долго и неподвижно. У нее было чувство, что она обратилась в камень, а ноги ее вросли в землю. Она не могла шевельнуть ни единым мускулом. Теплое и властное прикосновение губ к ее рту показалось ей чем-то из области нереального, и она не могла понять, в самом ли деле все так и произошло. Его губы словно пленили ее, а сам он будто стал ее безоговорочным властелином. Но каким-то краешком ускользающего